

«Покуда нам нежность туманит глаза»

СЛОВО О ПОЭТЕ

Как-то жена Марина принесла домой невероятную новость:

— Пойдём, что-то покажу. Тут у нас в Норском растёт кипарис.

— Уж не пушкинский ли? — намекая на Гурзуф и дом Раевских, пробовал отшутиться супруг, будучи поэтом и к тому же беззаветным поклонником и постоянным читателем Пушкина.

Стало быть, отправились смотреть. Под окнами дома с палисадником увидели древо непостижимой красоты, острой вершиной устремлённое в небеса. Так и стояли перед ним, не в силах глаз отвести.

Вышел хозяин, спрашивает, чем могу быть полезен, люди добрые. Да вот деревом заинтересовались, не стали скрывать странные гости. Оказалось — тую, хоть и дальняя, а всё же кипарисова родственница.

Что поделаешь, с поэтами и их музами всегда так, люди они с ветерком. Там, где простые смертные видят тую, им ничего не стоит возвести её в звание поднебесного южанина кипариса. При этом заметим, что в повседневной жизни эти чудачки, бывает, ничем от остальных не отличаются. Могут, как в последние годы ярославский поэт Леонид Королёв (в понедельник ему исполняется 70), смиренно мести двор на оборонном заводе или четыре года кряду без выходных вкалывать кирпичукладчиком на заводе керамическом.

Про ветерок, кстати, Королёв так прямо и написал: «Позавидую человеку, у него ветерок в голове». И это не какое-то частное суждение субъекта не от мира сего, не имеющее с жизнью ничего общего, и не расхожее мнение народное. Так думает, скажем, критик Лев Аннинский, очень серьёзный специалист. Отметив в сочинениях стихотворца «икс» некую «безуминку», заключил: она-то и «делает человека философом, а при наличии литературных способностей — поэтом». Не о Королёве сказано, но уж про ту самую «безуминку» — точно, его случай.

И липа в его стихах гудит от пчёла, «как трансформатор», и лунный серп «режется, как зуб младенца». Всем строителям скворечников поэт отправляет «Прощение о птичьей прописке». «Неистовое сборище желудков с пленительной способностью летать», — так про морских чаек мог написать только истинный дальневосточник — Королёв долго жил на тихоокеанских берегах.

О тайне собственного видения жизни он сказал так: всё, дескать, братцы, в порядке, «покуда нам нежность туманит глаза». Знаком с ним не меньше четверти века и знаю, что про нежность он ничего не придумал. С душой у него как раз всегда был полный порядок. На обложке его московского сборника

«Послушать кузнечика» (1989 год) видим снимок: автор, присев на корточки, гладит собачонку. В точку попал фотограф!

Сподобил Творец поэта Королёва быть ещё и журналистом, к тому же с редакционно-издательскими наклонностями, всяческой нежности, бывает, противопоказанными. Пробовал он служить у нас в «Северном». По рассеянности скрепил скорошивателем подшивку не с той стороны, намертво запер под обложкой газетные листы. Чем вызвал праведный гнев ответственного секретаря и сам готов

бернатора Анатолия Лисицына. Из Сибири прислал приветствие Виктор Астафьев. Президиум издательства напечатал в «Северном крае» обращение к Патриарху Алексию II. То пламенное слово в защиту духа и культуры и сейчас, в год русского языка, хорошо смотрится.

Не пожалеем место на цитату — текст-то «от Королёва»: «Пастырь знает, что такое Слово... После распада державы одно оно держит в единстве всё духовное русское пространство». И дальше: «Но истина трагичнее, горше. Слово — это и периодическая печать, и радио, и светская литература. Хорошо, что оно нынче бесцензурно, дурно — что оно беспризорно».

да в знак протеста ложится на вытяжку поперёк клавиатуры, мол, не мучайся ты так, хозяин, передохни.

Хозяин якобы слушается кота, но стоит мурлыке потерять бдительность, тот снова за своё. С помощью друзей, не одоляясь у сильных мира сего, выпускает каждые два года по книге «Чёрный жемчуг», «Прекрасное поражение», «На одной струне», «Соловьиная роща». Уже в новом тысячелетии с большими подборками попал Королёв сразу в две антологии — «Возвращение» и «Дыхание земли» московского научно-издательского центра «Ладомир», где Леонида Королёва почитают как большого русского поэта.

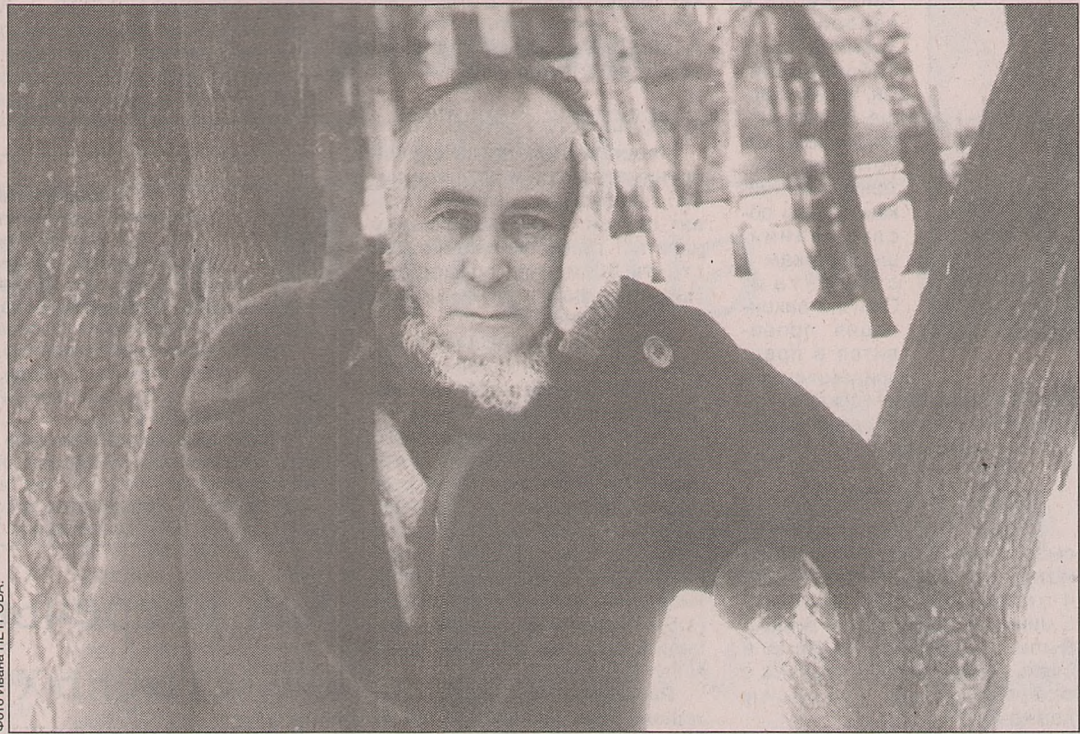

фото Ивана ПЕТРОВА.

был заревать от собственной безрукости.

Но в пространстве демократии и свободы Лёня и такие, как он, могут чудеса творить. Вместе с Борисом Черным стал соучредителем малой литературы «Очарованный странник» — название газеты придумал, напомню, именно Королёв. Когда они с Борисом Ивановичем, скажем попроще, не сошлись характерами, Леонид Викторович не переводя дыхания основал вторую малую литературу при «Городских новостях» — «Полушкина роща».

И всё бы хорошо, но пришёл другой редактор и постановил выпускать литературное приложение на коммерческой основе, а где деньги взять — не сказал. На том «Полушкина роща» и кончилась.

К середине 90-х Леонид Королёв задумал открыть в Ярославле народное издательство «Божья коровка». Название тоже авторское. Нашёл поддержку у знакомых предпринимателей, у-

сам того не ведая, ненароком объяснил, почему, несмотря на благословение Патриарха, так и не взлетела «Божья коровка».

Все эти горести бледнеют перед бедой, постигшей его семью позже, когда Господь взял на небо Марину. В Ярославль из Перми переезжали-то из-за неё. Климат меняли, чтобы подлечиться. Не задалось. Осталась дочка Елена, вместе и перевозомогают невзгоды и хвори, «с Божьей помощью любви», как сам сказал в одном из ранних стихотворений.

И раннее, и позднее у него посвящено Марине, музе, другу и первой его читательнице. После дальневосточного дебюта на исходе хрущёвской оттепели поэт Королёв до скончания развитого социализма писал исключительно в стол, где бы ни жил — в Москве, Малоярославце, Обнинске, Перми. Но теперь его машинка едва успевает остывать. Даже Маринин любитель, умноющий кот Маркиз, иног-

Из всего, что сказано о его стихах, в особой цене у автора опять же слова Марины. Прочитав как-то в отсутствии мужа его рукопись «Запоёт Гамаюн», оставила записку автору: «Прочла на свежую голову и поняла, что это самая лучшая книга в нашей библиотеке». И такой постскриптом добавила, как бы продолжая какой-то только им одним известный разговор: «Но с небожителем жить — не лучший вариант, поэтому пошла я в баню».

Под воздействием прочитанного глаз у неё был в тот день определённо настроен по-особому, а в голове, как может предположить сам поэт, веял выбивающий слезу морской свежести ветерок. Как раз в тот день, от души попарившись в норской баньке, она возвратилась домой с вестью о загадочном южном госте кипарисе, что оказался скромной северной туйей.

Юлиан НАДЕЖДИН.